

А. А. ТИХОНОВ

Боккаччо и Фьямметта

Важнейшим событием в жизни Боккаччо за время его пребывания в Неаполе была встреча с Фьямметтой, имевшая большое влияние на развитие его поэтического дарования. У Данте была Беатриче, у Петрарки — Лаура, для Боккаччо они олицетворялись в образе Фьямметты с той разницей, что у него любовь к ней имела более земной и даже чувственный оттенок. История этой земной любви изложена самим Боккаччо довольно обстоятельно и подробно в его произведениях «Ameto» и «Fiammetta», а отголоски ее встречаются почти во всех его сочинениях на итальянском языке; но тем не менее эти сведения нельзя считать ни вполне достаточными, ни вполне точными.

В «Ameto» он рассказывает, как образ Фьямметты явился ему в видении, когда он еще только в первый раз подъезжал к Неаполю. Можно предположить, что поэт облек здесь в красивый поэтический вымысел действительную встречу с ней, но с тех пор он на шесть лет теряет ее из виду, отдавая свою любовь другим. Потом незадолго до встречи она вновь явилась ему в видении и наконец он воочию увидал свой идеал в церкви Св. Лаврентия в Страстную субботу, 12 апреля 1338 года¹. Через несколько дней он случайно встретился с ней снова в церкви одного из окрестных монастырей, и здесь ему удалось уже вступить в разговор с обожаемой красавицей. Разговор коснулся распространенной тогда легенды о любви Флорио и Бьянкофьоре, и Фьямметта предложила Боккаччо написать историю этой любви. Конечно, он охотно вызвался исполнить ее желание и написал на эту тему свой роман «Filicoro». После этой встречи Боккаччо познакомился с мужем Фьямметты, подружился с ним и сделался частым гостем у них в доме.

Настоящее имя этой дамы, которую Боккаччо обессмертил под именем Фьямметты (что, от слова *fiamma* — огонь, означает собственно «огонек»), было Мария. Она родилась в семье графа Аквино, занимавшего высокий пост при неаполитанском дворе, но считалась побочной дочерью короля Роберта. Ее мать, графиня Аквино, была весьма нравственная женщина, но должна была однажды уступить преступной страсти короля Роберта, вынужденная к этому обстоятельствами. Родившаяся у нее после этого дочь была, однако, по желанию короля воспитана как дочь графа Аквино; но мать, умирая, открыла ей тайну ее рождения. Сначала Мария поступила послушницей в монастырь; но ее красота, обращавшая на себя всеобщее внимание, воспламенила сердце одного молодого и богатого дворянина; он стал добиваться руки Марии и наконец, при содействии короля Роберта, женился на ней, Мария жила счастливо со своим мужем уже несколько лет, когда случайно встретила с Боккаччо.

Имя мужа Фьямметты остается неизвестным. Он, очевидно, не принадлежал к числу выдающихся лиц в неаполитанском обществе, и нигде не видно, чтоб он или Фьямметта принимали какое-нибудь участие в придворных интригах.

Во время первой встречи Боккаччо с Фьямметтой ему было 25 лет, а она была года на три старше его; но, если верить описаниям Боккаччо, она соединяла в себе все телесные и духовные совершенства и была сошедшим с неба на землю идеалом женской красоты: «золотистые длинные волосы, белые бархатные плечи, краска лилий и роз на лице, губы, как темные рубины, и глаза яркие, светящиеся, как у свободного сокола». О ее умственном развитии можно судить по тому, что Боккаччо посвящал ей такие вещи, как «Тезеида» и «Филострат», для понимания которых нужно было все-таки некоторое знание древней мифологии. Во всяком случае, к литературе у нее была несомненная склонность.

Здесь кстати сказать несколько слов и о наружности Боккаччо. По описанию его современника Филиппо Виллани, он был довольно красив, высок ростом и, по-видимому, всегда отличался несколько излишней полнотой. Веселый, живой, любезный, он привлекал к себе увлекательной беседой и располагал к себе всех знавших его.

Выше мы заметили, что любовь Боккаччо имела чувственный оттенок; но нужно оговориться, что это было так только с его стороны. Не имея никаких документальных доказательств тех или других отношений Боккаччо к его возлюбленной, мы должны делать наши заключения на основании его поэтических произведений, а они, бу-

дучи украшены вымыслом, противоречат друг другу. В своих сонетах Боккаччо постоянно жалуется на холодность своей возлюбленной, называет ее мрамором, не согретым лучом любви, упрекает ее в том, что ей гораздо дороже ее честь, чем его любовь, и даже в пылу гнева высказывает желание видеть ее состарившейся и подурневшей. И надо думать, что, действительно, Фьямметта никогда не переходила границы дозволенного в своей любви к Боккаччо. Она позволяла ему посещать их дом, сопровождать ее в прогулках, поклоняться ей и боготворить ее, но и только. Быть может, ее заставляли удерживаться и действительно нравственные побуждения, а может быть, и боязнь, что Боккаччо, достигнув последней цели, охладает, оставит ее, и она лишится такого интересного поклонника. В посвящении к «Филострату» Боккаччо прямо признается, что его возлюбленная никогда не удостаивала его такой благосклонности, как Хризеида Троила, и что он впредь не питает на это надежды. С другой стороны, в «Амето» и «Фьямметте» есть точные указания, что эта любовь была преступной с самого начала или после некоторого периода колебаний. Но здесь эту преступность отношений обоих героев романа надо отнести на долю романтического вымысла, без чего самые романы, кончающиеся не достигшими цели искательствами, показались бы читателям сентиментально-скучными.

Для нас, конечно, не представляет никакой важности решение этого вопроса в том или другом смысле. Важно лишь указать, что эта любовь к Фьямметте вызвала появление почти всех поэтических произведений Боккаччо: «Тезеида» и «Филострат» посвящены ей; «Filicoro» написан по ее желанию; она является героиней в «Фьямметте», ее имя прославляется в «Амето», «Amorosavisione», «NinfaleFiesolano» и в «Декамероне», и к ней же относится самая большая часть всех лирических стихотворений. Без этой любви к Фьямметте Боккаччо не был бы тем, что он есть.

Как долго длились отношения Боккаччо к Фьямметте, в точности неизвестно. В то время когда он писал «Декамерон», т. е. около 1350 года, она, вероятно, была еще жива и продолжала пользоваться поклонением поэта. Но, вероятно, вскоре после того она умерла, потому что в 1355 году Боккаччо подпал уже влиянию другой неудачной любви, вызвавшей его сатиру «Corbaccio», к которой мы еще вернемся. Любовь к Фьямметте была, во всяком случае, его единственной любовью; он остался верен ей даже после смерти Фьяметты-Марии, как это видно из целого ряда его позднейших сонетов. Фьямметта всегда была для Боккаччо музой» вдохновлявшей его и поддерживавшей в нем священное пламя

поэзии, и имя ее останется в потомстве неразрывно связанным с именем Боккаччо.

Около 1339 или 1340 года Боккаччо должен был покинуть Неаполь и вернуться во Флоренцию по желанию своего отца, который перед этим похоронил жену и нескольких сыновей и, вероятно, пожелал, чтоб Джованни помогал ему в делах.. Мы уже видели, какова была жизнь в доме отца Боккаччо. Можно себе представить, в каком настроении вернулся Джованни в эту суровую, негостеприимную обитель и как тяжело было ему расстаться с возлюбленной Фьямметтой, с прекрасным Неаполем и с веселым и образованным обществом, в котором он там вращался. И письма Боккаччо, и произведения его, написанные или начатые в этом периоде времени, свидетельствуют о мрачной скорби и угнетенном состоянии духа, в котором он тогда находился.

Впрочем к причинам такого настроения, касавшимся его лично, присоединялись еще и причины внешние. Флоренция переживала тогда печальное время. Финансовый кризис разорил несколько богатейших банкирских домов, и масса прежде состоятельных граждан сделалась теперь нищими. В числе пострадавших от этого кризиса был, по-видимому, и отец Боккаччо; хотя он и не разорился, но состояние его, во всяком случае, пострадало, и старик стал теперь еще скупее и желчнее прежнего. Вместе с тем и политическое положение Флоренции было поколеблено неудачно кончившейся разорительной войной с Пизой. Партии враждовали между собой. Дворянство, с одной стороны, и низшие классы, с другой, боролись одновременно с партией именитых горожан, стоявших до тех пор во главе правления. Внутренние беспорядки дошли до последней степени. Можно себе представить, какое печальное настроение должно было вызвать это положение у Боккаччо после всего, что он видел в Неаполе.

Но он, по-видимому, не принимал никакого участия в этих политических волнениях. За время долгого отсутствия его во Флоренции интерес к борьбе местных партий в нем, конечно, ослабел, да, вероятно, ни одна из тогдашних партий и не привлекала его симпатий. Благотворным исходом из мрачного настроения, тяготевшего тогда над Боккаччо, были для него занятия литературой, которым он и отдался с особенным рвением.

В 1342 году приезжал во Флоренцию Никколо Аччайуоли, и встреча с ним временно разогнала мрачное настроение Боккаччо.

В 1344 или 1345 году Боккаччо мог, наконец, избавиться от тягостного его пребывания во Флоренции и вернуться в Неаполь, Чем

был вызван этот отъезд — неизвестно, но вероятнее всего, что отец его, женившийся в это время во второй (или третий) раз, не нашел удобным стеснять жизнь молодой жены пребыванием возле нее взрослого пасынка.

* * *

Второе пребывание в Неаполе не было для Боккаччо таким светлым и радостным, как первое. Времена переменились. Король Роберт уже умер, на престол вступила королева Иоанна, при неаполитанском дворе наступил период распущенности, и политическое значение Неаполя клонилось к упадку. Сам Боккаччо не был уже тем пылким юношей, каким он явился в Неаполь в первый раз; теперь ему, человеку зрелого возраста, многое должно было показаться уже в другом свете, чем тогда. Ряды друзей поредели, взаимные интересы изменились или ослабели. И в то же время в политической жизни Неаполя разражались бури одна за другой. Убиение мужа королевы Иоанны, Андрея, следовавшие затем беспорядки, свадьба Иоанны с Людвигом Тарентским, нашествие венгров, бегство и возвращение королевской четы, чума — все это прошло перед глазами Боккаччо, и если он, по-видимому, и не принимал участия в этих событиях, то, во всяком случае, они не могли не отражаться на его жизни, не могли пройти бесследно мимо него, так как одним из деятельнейших участников всех этих событий был, как мы видели, Никколо Аччайуоли, а Боккаччо был к нему более или менее близок.

Его взгляды на события того времени и отношения к ним выразились в его латинских эклогах. Не называя имен, прикрываясь аллегорией, он оплачивал смерть короля Роберта, воздавая величайшую похвалу его деятельности, и вместе с тем с большой симпатией относился к убитому принцу Андрею, мужу королевы Иоанны, а Иоанну выставил под видом волчицы, растерзавшей принца на уединенной лесной тропинке. Потом он восхвалял Аччайуоли за его преданность принцу Людвигу во время его изгнания, высказывал скорбь по поводу разгрома, который произвел в Неаполе венгерский король, и, наконец, когда Иоанна и Людвиг вернулись из изгнания снова в Неаполь, Боккаччо, вразрез с предыдущим, написал по этому случаю такую преувеличенно-хвалебную эклогу, что можно было бы заподозрить его в желании получить какое-либо доходное придворное место. Но такое подозрение едва ли будет справедливо, потому что Боккаччо, по-видимому, никогда не стремился занять какую-либо постоянную должность, ибо иначе он мог бы, вероятно,

достичь этого через Аччайуоли. За такие преувеличенные похвалы ему можно сделать упрек скорее в недостатке литературного вкуса, чем в низменном искательстве. В придворных кружках он вращался больше ради развлечения, да и на него там смотрели не как на искателя придворных мест или политического деятеля, а преимущественно как на приятного собеседника и интересного рассказчика, что подтверждается отчасти и позднейшим намеком Боккаччо, что «Декамерон» написан им по желанию королевы Иоанны. Конечно, должно показаться странным, что Боккаччо, вначале отнесшийся так враждебно к королеве Иоанне после убиения ее супруга, нашел потом возможность не только бывать в ее обществе, но и восхвалять ее. Но оправдание такой видимой беспринципности можно найти в том, что виновность королевы в смерти ее супруга никогда не была доказана. Иоанна была оправдана в этом обвинении самим папой и, когда изгладились из памяти первые впечатления смерти принца Андрея, неаполитанское общество относилось к королеве без предубеждения. Боккаччо же и в том и в другом случае явился лишь отголоском общественного мнения. В написанной им позднее книге о знаменитых женах он называет Иоанну красой Италии, которой не было равной ни у одного народа, и хвалит даже порядок и общественную безопасность в ее королевстве, что, конечно, является непозволительным преувеличением даже тех удачных административных распоряжений, которые исходили не от Иоанны, а от Аччайуоли.

В 1348 или 1349 году умер отец Боккаччо, вероятно, во время свирепствовавшей тогда чумы. Боккаччо находился в это время в Неаполе. Жена его отца умерла еще раньше, и Боккаччо был назначен опекуном своего младшего брата Якопо. Тогда он отправился во Флоренцию, чтоб принять оставшееся на его долю и на долю Якопо наследство.

Это возвращение во Флоренцию отделяет резкой чертой последующую эпоху его жизни от предыдущей.

